

ФРИДРИХ ШЛЕЙЕРМАХЕР

НЕЧАЯННЫЕ МЫСЛИ О ДУХЕ НЕМЕЦКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ (С ПРИЛОЖЕНИЕМ ОБ ОДНОМ ИЗ НИХ – НЕДАВНО УЧРЕЖДЕННОМ)*

***Аннотация:** Мы публикуем отрывок из книги Фридриха Шлейермахера, представителя немецкого романтизма, протестантского теолога и одного из создателей современной философской герменевтики.*

Книга «Нечаянные заметки о духе немецких университетов» написана в особую историческую эпоху образования «Рейнского союза» немецких государств. Все более острым становился вопрос консолидации немецких земель, который помимо политической имел и свою культурную основу — языковую общность. Новые формы государственности влекли преобразование и других институтов, и прежде всего, научных и образовательных учреждений, что ставило проблему их отношений с новообразовавшимися государственными структурами и потребовало определения степени их автономии и овладения средствами достижения и утверждения такой автономии.

Это принимало форму конкретной проблемы — отношения Академии наук и немецких университетов, с одной стороны, и их ответа на потребности государственного управления и государственного строительства, осуществления, как бы мы сказали теперь, информационного контроля над обществом, с другой. Должен ли этот национально-консолидирующий культурно-языковой контекст научных исследований сказываться на структуре науки, определять выбор научных тематик, квалификационные стандарты отбора ученых и студентов, требовать контроля над академическими организациями, или же наука должны представлять собой автономное образование, самостоятельно определять свои цели, социальный состав и структуру? Именно этот вопрос занимает Шлейермахера в данной книге.

***Abstract:** We publish the excerpt from the book of Friedrich Schleiermacher, the important representative of German romantics, protestant theological thinker, and one the founder of the contemporary philosophical hermeneutics.*

The book «Some Casual Notes about the Spirit of German Universities» was written in the special historical epoch of formation of the «Confederation of the Rhine». The consolidation question of German states was becoming acute which had acquired (except from the political one) also

* Friedrich Schleiermacher. Gelegentliche Gedanken über Universitäten im deutschen Sinn (1808). Перевод выполнен по изданию: Anrich E. (Hrsg.) *Die Idee der deutschen Universität. Die fünf Grundschriften aus der Zeit ihrer Neubegründung durch klassischen Idealismus und romantischen Realismus.* — Darmstadt, 1964. — S. 245-270. Публикуется в авторской редакции переводчика.

a cultural dimension of the language unity. The new forms of state organization required the reformation of the scientific and educational institutions. It posed the problem of the autonomy degree of Academies and Universities in Germany. One had to elaborate media of establishing such an autonomy.

It assumed a more concrete form of the problem concerning relations between Academies and Universities at one side, and their responses to the needs of the state administration and the state construction (informational control over society) at the other side. The question was put whether this nation-consolidating and language-cultural context of scientific and university researches should bearing on the institutional and communicative structures of the Science and Education or to predestinate the choice of research themes, of qualification and selection standards of the scientists and students; or should it require control over the academician organizations? Or could the science and universities be autonomic organizations and independently determine their cognitive aims and choose their research topics, stuff and communicative foundations of science and education?

Ключевые слова: социальная философия, философия образования, немецкий университет, социальная эпистемология, социальная философия науки.

Keywords: Social philosophy, Philosophy of education, German university, Social epistemology, Social philosophy of science.

Глава третья. РАССМОТРЕНИЕ УНИВЕРСИТЕТА В ЦЕЛОМ

Сравнение университета со школами и академиями показывает нам его сущностный характер, в силу которого он с необходимостью занимает срединное положение между обеими, что как раз и должно пробудить в молодежи научный дух и возвысить его до ясного сознания. И это мы принимаем без доказательств, — как оно есть само по себе в его высшей наглядности, — предполагая, что не может быть достаточной одной лишь формальной спекуляции, что ее следует тотчас воплощать в реальном знании. Не достаточно для гимназических упражнений и некоторого произвольного отбора сведений, как это имеет место в школах. Ведь научный дух систематичен уже по самой своей природе, и поэтому не может дорасти до ясного сознания в отдельном, если ему не дана в созерцании и целостная область знания, по меньшей мере, в ее общих чертах.

Еще менее возможно образование у отдельных лиц всеобщего смысла и особого таланта, образующих единство своеобразной интеллектуальной жизни, если только в университете каждый не найдет того, что способно возбуждать его особенный талант. Университет должен, следовательно, охватывать всякое знание, и в том, как он заботится о каждой отдельной ветви, он выражает и его естественную внутреннюю отнесенность к целостности знания, его более близкое или более отдаленное отношение к общему центральному основанию. Здесь, видимо, допустимо лишь одно отклонение от этого, состоящее как раз в том, что из такого знания предпочтение может быть отдано тому, к чему прежде всего склоняется общий талант нации; отклонение, которое могло бы проявляться лишь в виде университетских занятий, приближающихся к академическим.

Так и должно быть, если лишь одно влечение к науке, без чуждых влияний, организует и упорядочивает университеты. Если же мы их рассматриваем таковыми, каковы они есть, то находим все совсем другим. С точки зрения науки, выглядит в высшей степени неестественно, когда незначительному предоставляется много места;

когда внешним образом связывается многое из того, что само по себе не является связанным. Важное, напротив, сокращают, или излагают как новое, как если бы оно только что было обнаружено; многое же рассматривают так, как если бы оно вовсе и не предназначалось для тех, в ком есть желание развить в себе научный дух, а для тех, которым он навеки должен остаться чуждым.

Дух этот, очевидно, раскрывается не во всех тех, кто имеет изрядные способности и склонности к собиранию значительных массивов сведений и в некотором смысле — к их переработке. Поэтому уже в гимназии следует принимать лишь избранные юные натуры, и в свою очередь, лишь некоторых из них надо посылать в университет; но поскольку гимназии суть лишь подготовительные учреждения и не предназначены для того, чтобы самим выявлять этот образ мыслей, то не способны они и судить определенно и достоверно о степени развития способностей к науке. Об этом они заключают, исходя из желания и легкости, с которой воспринимаются предложенные сведения, из более или менее проклюнувшегося пристрастия к их научному содержанию.

Но все это весьма обманчиво, и самые надежные признаки всего этого как раз менее всего могут быть подведены под формально-значимый образец. Как часто обнаруживаются удивительное прилежание, огромное желание и любовь, где лишь знаток отличит нечто совершенно бессознательно-животное при почти полном отсутствии духа и таланта. Ведь в некоторых случаях как раз в это решающее время распускается пустоцвет, который столь легко принимается за нечто плодоносное. И наоборот: если школа в своем суждении стремилась бы взять за правило максимальную строгость, то многие, развитие которых несколько запаздывает, были бы опрометчиво лишены дальнейшего попечения!

Короче говоря, является неизбежным, что в университет попадают многие из тех, кто является собственно непригодным для науки в ее высшем смысле, причем они даже образуют большую часть, ведь и действительно это гораздо менее вредно, чем если бы один единственный великий и решительный талант был совсем лишен благотворных воздействий этого учреждения. Мысли же о том, чтобы уже в школе или при ее окончании устанавливать разделение между теми, кто способен к высшему научному образованию, и теми, для кого предназначена некоторая низестоящая ступень, и учреждать для последних собственные учреждения, где бы без философского руководства университета они точно так же получали бы дальнейшее образование в рамках определенного им предмета познания, более традиционного и в большей степени направленного на изучения ремесел, — этой мысли страшится и ужасается всякий, кто принимает живое участие в образовании молодежи.

Не в такое время живет он, когда любая аристократия должна исчезнуть по самой природе вещей, но в такое, когда только и следует ее пестовать и расширять. Или же полагают, что те юноши, которые достигли лишь некоторых успехов в школьном образовании в то время, когда и себя самих они понять пока не в состоянии, должны-де сами выносить суждение о таком их умалении и не тянуться более к величию науки? Таковые и действительно полностью заслуживают стать отверженными и обесчещенными.

Нет, нужно разрешить им всем вместе, — как наиболее отличающимся, так и менее светлым умам, — пройти через решающие испытания, которые и проводятся в университетах, с тем, чтобы пробудить в юношах их собственную научную жизнь, и лишь в том случае, если они не сумели достичь всех своих высших целей, то словно само собой большинство из них займет место ответственных и дельных работников на

некоторой нижестоящей ступени. И в таковых у научного союза есть большая нужда; ведь даже малое число действительно руководящих и образывающих умов способно приводить в действие изрядное число органов.

Поэтому университеты должны обустраиваться так, чтобы они одновременно являлись и более высокими школами, с тем, чтобы способствовать дальнейшему развитию тех, чьи таланты, если они сами отказались от высшего достоинства науки, можно было бы все-таки использовать для той же самой науки. Причем это не должно получать внешних отличий в выделении им особого предмета, ведь и оба класса учеников не имеют между собой внешних различий, но должны быть отделены друг от друга лишь посредством самих их свершений. В еще большей степени, однако, государство испытывает потребности в таких умах второго класса.

Оно может легко осознать, что в каждой ветви высшие задачи с успехом могут быть доверены только тем, кто проникнут научным духом, и будет стремиться пополнить и большую часть тех нижестоящих талантов, каковые, даже и лишённые этого более высокого духа, приобщаются ему своим научным образованием и накопленными сведениями. Поэтому по той же самой причине оно вынуждено заботиться о том, чтобы университеты являлись в том числе и специальными школами для изучения всех тех — используемых на службе государства — сведений, которые, прежде всего, связаны с собственно научным образованием; и если этот научный дух и не является необходимым для данной области, все-таки было бы естественным, если бы и здесь избегали формального различия.

Это до поры является нормальным и должно рассматриваться не как злоупотребление, или как осквернение чистых научных учреждений, а, напротив, как превосходное, поскольку таким образом ведь и в больших массах образованных людей, насколько это каждому по силам, возможно пробудить нечто в смысле истинного познания; поскольку у тех, кто прошел такую школу, должно отложиться, по меньшей мере, чувство зависимости накопленных там сведений от более высоких научных устремлений; и поскольку эти образовательные учреждения благодаря их связанности с учреждениями чисто научными обязательно остаются более восприимчивыми ко всякому усовершенствованию на службе у государства и более живыми сами по себе.

И в этом, бесспорно, и состоит сущность немецких университетов, каковыми они уже долгое время действительно являются. Если же правительства время от времени политическую составляющую этих учреждений начинают принимать за их главную часть, которой-де в каждом спорном случае собственно научное должно уступать, то это является весьма вредным недоразумением; если же они стремятся еще и к тому, чтобы вообще избавиться от формы университета и все общеобразовательные школы непосредственно связывать со специальными высшими школами, где преподаются различные предметы для государственной службы, тогда это является печальным знаком недооценки значения высшего образования для государства, а также того, что чистый механизм предпочитают самой жизни. Ведь там, где государство разрушило бы университеты — средоточие и питомник всякого познания, — и затем попыталось бы разединить все единые научные устремления, то можно не сомневаться, что итогом или, по меньшей мере, произвольным эффектом такого опыта стало бы подавление высшего и наиболее свободного образования и всякого научного духа, что неминуемо привело бы к преобладанию ремесленного образования и плачевной ограниченности во всех предметах.

Необдуманно действуют или же заражены порочным немецким духом именно те, кто предлагает преобразовать и распылить университеты на специальные школы; ведь в каждой стране, где таковая форма отмерла бы сама собой, или же там, где — вне всяких препон со стороны правительства — еще не возникло подлинных университетов, но всё всегда оставалось бы на уровне простой школы, наука, безусловно, оказалась бы в упадке, а дух бы опочил.

Но как именно — при условии, что государство не преступает границы правомерных воздействий, осуществлять которые позволяет ему наука, — должно формироваться обучение в университете, можно легко распознать, рассмотрев любое указанное, пусть даже и посредственно организованное учреждение. Наиболее общее есть как раз то, что является общим для всех, и все начинают с этого, разделяясь лишь позднее, приступая к изучению области особенного, после того как в каждом проснется его своеобразный талант, а вместе с ним — любовь к предмету, в котором этот талант отличнейшим образом и способен себя проявить. Все, следовательно, начинается с философии, с чистой спекуляции, что, с пропедевтической точки зрения, относится к переходу от школы к университету.

Однако жизнь всего университета, процветание всего его дела, основаны на том, что он как раз и не является пустой формой такой спекуляции, которая насыщает одних лишь юношей; и на том, что из непосредственного созерцания разума и его деятельности развивается понимание необходимости и умножения всякого реального знания, с тем чтобы с самого начала уничтожалось бы мнимое противоречие между разумом и опытом, между спекуляцией и эмпирией, и таким образом не только бы стало возможным, но и одновременно порождалось бы — пусть даже еще запеленатое — подлинное знание.

Ведь даже и без определения значения различных философских систем все-таки является очевидным, что в противном случае не было бы вообще никакой границы между философским и всем остальным обучением, и из обучения философского не вытекало бы совершенно ничего, даже и знаний о логических правилах и об аппарате понятий и формул, значение и происхождение которого осталось бы тогда непонятым. Итак, философия предоставляет перспективы выхода в обе великие области природы и истории, и наиболее общее для них обеих соответственно и должно изучаться всеми.

Главные идеи как высшей филологии, в той степени, в какой в языке получают выражение все теоремы познания и его формы, так и учения о нравственности, в той степени, в которой в нем излагается природа всякого человеческого существования и действия, — должны проникать во всякого, даже если свое особое образование он более склонен искать в области наук естественных; так, никакая научная жизнь недоступна тому, кому остаются чуждыми идеи природы, знания о ее самых общих процессах и сущностных формах, о противоположности и связи в области органического и неорганического.

Поэтому каждый должен понимать и сущность математики, землеведения, природоведения и природоописания. Но чем больше каждый погружается в особенное, в историческое исследование, в искусство образования государства и человека, в геологию и физиологию, тем больше ограничивается он тем отдельным, к которому у него есть призвание; и к этому ограничению и обращается соответственно государство с его особенными институтами для тех, кому надлежит работать над физи-

ческим сохранением и совершенствованием граждан; институтами, которые — если они не окажутся совсем уж чуждыми университету и не будут по отношению к нему чинить несправедливости, — должны объявить и о своей собственной зависимости от научного исследования природы и истории, а следовательно, и философии, и эту зависимость сохранять.

Но поскольку даже здесь, несмотря на то, что в обучении последнему предмету принимают участие многие, на кого не снизошел подлинный философский дух, все-таки по возможности избегают внешних различий, чтобы и с этой стороны не разрушить единство целого, ведь во всяком обучении, если оно хотя бы некоторым образом сохраняет верность характеру университета, главной задачей является научное изложение, детали же получают значение лишь в качестве дополнения, наглядного руководства, в качестве грубого материала для опытов в особой их комбинации и изложении: то и способы обучения с незначительными отступлениями остаются повсеместно одинаковыми.

Мало кто понимает значение кафедрального выступления; но то, что, несмотря на неизменно плохое его осуществление большей частью преподавателей, его удивительным образом все-таки постоянно осуществляют, служит ясным доказательством того, насколько важно относить его к самой сущности университета, как и того, как важно прилагать усилия к тому, чтобы всегда сберечь эту форму для тех немногих, кто способен их время от времени правильно проводить. Можно было бы даже сказать, что истинная и особенная польза, которую приносит университетский преподаватель, непременно находится в прямом отношении с его умением обращаться с этим искусством.

Всякое умонастроение, как научное, так и религиозное, образуется и совершенствуется лишь в жизни, в общности многих. Излучаясь из более образованных, более совершенных, оно поначалу лишь побуждается в новичках, пробуждается из дремоты; благодаря взаимообразным сообщениям оно возрастает и укрепляется в тех, кто является равным по отношению друг к другу. Но поскольку университет в целом как раз и представляет таковую общую научную жизнь, то в особенности лекции оказываются ее святилищем.

Следует полагать, что именно беседа могла бы лучше всего пробудить дремлющую жизнь и вызывать первые движения, как это еще и сегодня воздействует на нас в достойном удивления древнем искусстве того же рода. Это может происходить и между двумя людьми, или же там, где от целого множества может быть выставлен его надежный представитель, или если отдельные люди наслаждаются чтением превосходных письменных произведений и, как бы воспроизводя через себя самих, их переживают. Правда, это, пожалуй, не может быть осуществлено среди многих людей и в новое время, ведь, несмотря на столь многие всё новые попытки, в области науки беседа так и нигде не развилась во всеобщую форму обучения, но повсеместно утвердилась связывающая речь. И легко понять — почему.

Наше образование является гораздо более индивидуальным, нежели образование древнее, и поэтому и беседа стала гораздо более индивидуальной, так что никакое отдельное лицо не может быть представлено в качестве ведущего беседу от имени всех остальных, и беседа в этом случае превратилась бы исключительно во внешнюю, лишь сбивающую с толку и раздражающую форму. Однако университетское кафедральное выступление, в котором, прежде всего, идеи надлежит доводить до созна-

ния, должно в этом отношении все-таки сохранять природу древнего диалога, пусть даже и не его внешнюю форму; в нем следует стремиться к тому, чтобы, со всей ясностью высвечивать, с одной стороны, общностное внутреннее слушателей: как то, чем они не обладают, так и то, чем они неосознанно владеют; с другой стороны — внутреннее преподавателя: его обладание данной идеей и ее деятельностью в нем.

Два элемента поэтому являются необходимыми в данном виде выступления и образуют его собственную сущность. Первый я бы хотел назвать «популярное»: это — изложение предположительного состояния, в котором и находятся слушатели; искусство указать на недостаточное в данном состоянии, а также — на последнюю причину всего, что отсутствует, составляя незнание. Это есть подлинно диалектическое искусство, и чем строже его диалектичность — тем оно популярнее.

Другой элемент я хотел бы назвать «продуктивное». Все произнесенное преподавателем должно возникнуть перед самими слушателями; он не должен рассказывать о том, что он знает, но должен воспроизводить свое собственное познание, само это действие, с тем чтобы слушатели снова и снова накапливали не только сведения, но и могли непосредственно созерцать и деятельность разума в его порождении познания и, созерцая, ей подражать.

Главным пристанищем этого искусства читать лекции, правда, является философия, т.е. собственно спекулятивное; но всякое обучение в университете должно быть им проникнуто, ведь повсеместно в этом и состоит собственно искусство университетского преподавателя. В нем должны быть объединены две добродетели: живость и воодушевленность, с одной стороны. Его воспроизведение должно быть не чистой игрой, но истиной; так, всякий раз, когда, читая лекцию, он созерцает свое познание в его происхождении, в его бытии и становлении, всякий раз, когда он описывает путь от средоточия науки до ее пределов, — все это он должен еще и действительно осуществлять.

Ни один истинный знаток науки не делает это как-то иначе; ни одно повторение невозможно у него без того, чтобы его не оживляло некоторая новая комбинация, не влекло бы какое-то новое открытие; обучая, он неизменно будет и обучаться, будет всегда оживленным и поистине продуктивным, выступая перед его слушателями. Не менее необходимы преподавателю также ясность и вдумчивость, чтобы сделать понятным и успешно усваиваемым то, что порождает воодушевление, чтобы постоянно осознавать свой контакт с новичками, чтобы бы он не говорил как будто бы лишь для себя, но действительно — для них, действительно доводил бы до их понимания свои идеи и комбинации и укреплял бы в них, с тем чтобы у них возникали не только какие-то смутные предвозвестия о величии знания, вместо самого этого знания.

Ни один университетский преподаватель не сможет принести подлинной пользы, если он совсем лишен хотя бы одного из этих превосходных свойств; и действительно здоровая полнота учреждения состоит в том, чтобы заменять другим какого-то преподавателя, прекрасно отличающегося с одной стороны, но — как это свойственно человеку — лишенного второй способности.

Обе эти добродетели лекционного искусства суть его подлинные опоры, и не являются накоплением литературы, которая полностью бесполезна для начинающего и, напротив, должна представлять в письменном виде, а не сообщаться устно; из этих добродетелей проистекает подлинная ясность, состоящая вовсе не в неустанном пережевывании, но — в достойных похвалы — остроте и краткости произнесен-

ного; из них проистекает настоящая живость, а не из богатства равнозначимых — безразлично, плохих или хороших, — примеров, сопровождающих озарений и полемических выпадов.

Ученость профессора довольно удивительна и уже стала общим местом. И чем больше он ей владеет, тем, конечно, лучше; но даже и наибольшая ученость бесполезна без искусства читать лекции. Если преподаватель надлежащим образом упражняет его на своих учениках, то не нанесет многого вреда, если они иной раз и поймут его на незнании некоторых отдельных моментов в области его науки; они, тем не менее, будут знать, что наука как таковая ему полностью известна.

И ведь всегда можно надеяться, что молодой преподаватель еще достигнет большой учености; если же он не обладает талантом рассказчика в те годы, когда он наиболее близок своим слушателям, то позднее вряд ли ему уже удастся им овладеть. Чем поможет ученость, если вместо настоящей кафедральной лекции в наличии имеется лишь ложная видимость, пустая ее форма! Нельзя и помыслить ничего более жалкого. Профессор, который снова и снова считывает и дает под запись одну раз и навсегда записанную тетрадку, весьма и весьма некстати возвращает нас в эпоху отсутствующих типографий, когда ученый муж диктовал свои рукописи одновременно для многих, и когда устный доклад должен был в то же время служить и для замещения книг.

Теперь, однако, уже никто не поймет, почему государство должно платить жалование некоторым людям лишь за полученную ими привилегию игнорировать благотворное воздействие типографии, и почему же собственно такого рода муж призывает к себе людей, вместо того чтобы просто предложить им свою мудрость, обычными путями записанную черным по белому в его уже и без того наличествующих рукописях. Ведь при наличии книгопечатного дела, пожалуй, было бы смешно говорить о чудесном воздействии живого голоса.

Но если выступление и имеет надлежащий характер, то все-таки собственно такого рода лекции не должны быть единственным видом общения преподавателя с его учениками. Чопорная замкнутость и неспособность явиться чем-то большим для учащейся молодежи вне кафедры связаны, как правило, с уже осужденными выше пороками кафедрального выступления. Для того, чтобы лектор с пользой учитывал уровень познания слушателей; чтобы он мог помочь им избежать отвлечений, к которым они проявляют склонность; чтобы удалось ему в своей работе пройти сквозь частые ошибки в понимании, — должны пригοждаться и иные виды и ступени их совместной жизни, необходимой для поддержания столь необходимого знакомства с постоянно сменяющимися друг друга поколениями.

Не стоит утверждать, что таковое невозможно ввиду их числа. К лекциями при-мыкает цепь отношений, в которых с ростом их доверительности естественным образом уменьшается и число участников, где в ходе собеседований, уроков на повторения и для подготовки к экзаменам рассказывают о собственных трудах и их обсуждают, вплоть до частных контактов учителя с его учениками, где собственно и получает главенство беседа, и где он, если он умеет завоевать доверие, благодаря высказываниям избранных и наиболее образованных юношей приобретает все те сведения, которые удивительным образом проникают в массы и их движут. Лишь благодаря тому, что преподаватель постепенно приближается и использует эти отношения, он способен объединить замечательную уверенность древних, которые в своих беседах друг с другом непременно попадали в нужную точку, с благородной скромностью

современников, которые непременно должны учитывать уже начавшееся и самостоятельно продвигающееся образование всякого отдельного.

Мы видим, что этот дар передавать знания допускает и самые разнообразные отличия. Одному больше удастся усмирение поверхностного знания и побуждение потребности в знании истинном, другому наглядное представление главных черт этого знания; один своей воодушевленностью дает многим первое посвящение, другой укрепляет их своей рассудительностью; один в большей степени, хотя и обращается по видимости к отдельному и многообразному, все-таки больше способен сводить его к глубочайшему и высочайшему единству; талант другого в большей степени принадлежит отдельному, и дает себя увлечь там, где более уместным представляется указывать на всеобщее и высочайшее.

Всякий, однако, в том случае будет превосходным преподавателем, если — как бы у него ни перевешивало то или другое — он все-таки обнаруживает все необходимое в его живой связи; и университет является таковым только там, где он стремится объединить в себе все эти различия, с тем, чтобы всякий воспитанник был бы в состоянии найти себе такого преподавателя, которого в данных обстоятельствах и при осуществленном им развитии желала бы его природа.

Однако, каким бы живым и счастливым ни являлась бы эта его устремленность, некоторое полное равновесие, где о всякой потребности заботились бы безупречным образом, пожалуй, никогда не будет достигнуто ни в одном из таких учреждений. Каждое в то или иное время склоняется к той или иной стороне.

Одно из них выделяется более живым побуждением развивать научный дух в целом, но в большинстве предметов, быть может, отстает в отношении основательности изложения отдельного, другое же, наоборот, имеет больше достижений в последнем, нежели в первом; одно из них превосходит другие в чисто философском отношении, другое — в подготовке к академии или как агрегат специализированных школ; одни подготавливают больше воспитанников и при этом предоставляют им самим составлять более свободную, более высокую комбинацию, другие же в большей степени осуществляют руководство ею, но все, что является делом прилежания, вменяют им самим.

Ведь уже довольно давно университеты зачастую проявляют тот же самый характер, состоящий в том, что один образовывает больше спекулятивных умов, которые, однако, принесут больше пользы, если будут искать реальные науки где-нибудь в другом месте, другой же долгое время готовит лишь середнячков (*roturiers*), ведь для развития в университете более высокого научного духа требуется уже настоящий талант, каковой есть объединение обеих — уже и опасных — крайностей односторонности, между которыми колеблются все остальные.

Это указывает на то, что и внутри области одного и того же национального образования необходимым образом должно обнаруживаться некоторое множество университетов, и что нельзя избежать насколько это возможно свободного их сообщения между ними и неограниченного использования каждого из них в соответствии с одной из многих потребностей. То, насколько естественной является такая истина, вытекает, безусловно, уже из того, что университеты занимают центральное положение между гимназиями и академией. Обладать тридцатью восемью из них, как это до сих пор терпела немецкая нация, может, правда, показаться большим несчастьем, а о причине того, почему столь мало людей получают достаточные навыки, спросим: как можно здесь найти правильную меру?

Сначала следовало бы хотя бы определить правильную меру гимназий, затем привести в немецкую среду объединительную мысль о том, что не всякий округ должен и в данном отношении получать для себя нечто особенное, а затем предоставлять самому этому предмету большую свободу, не вносить ничего искусственного и не стремиться сохранить свежесть отжившего, — так постепенно и образуется правильная мера. При этом все-таки лучше было бы здесь нарушить надлежащую меру, нежели позволить себе размышлять о создании центрального немецкого университета или же о некоем сплавлении в целостность древних форм, — две крайности, каждая из которых явилась бы величайшим несчастьем, с которым после всего пережитого еще могут встретиться немцы.

Глава четвертая. О ФАКУЛЬТЕТАХ

Уже сказано достаточно о том, что четыре наших факультета, теологический, юридический, медицинский и философский, — и именно в этом порядке, — придуют-де университетам весьма гротескный вид. И этого, безусловно, нельзя отрицать. Если же все-таки важное преимущество усматривают в возможностях преобразований или значительных изменениях подобных учреждений — настолько, что при этом можно было бы избавиться от этих форм и ввести вместо них иные, то не следовало бы все-таки с этим спешить, с тем, чтобы учредить нечто весьма произвольное на месте того, что образовалось естественным образом, и именно ввиду этой своей естественности столь долгое время сохранялось; но попытаемся же для начала правильно понять значение этих предшествующих форм.

Все сказанное прежде должно значительно облегчить такое понимание и всецело его предварить. Ни от кого, кто исходит из нашей точки зрения, пожалуй, не ускользнет, что эти формы, какими бы они ни были гротескными, по меньшей мере, весьма репрезентативны, и в них с абсолютной точностью соотносятся установление и теперешнее состояние университетов. И как раз является очевидным, что настоящий университет, так как его образовывал бы научный союз, сохранился единственно лишь в рамках философского факультета, три других же, напротив, суть специализированные школы, которые либо учреждаются государством, либо, по меньшей мере, раньше или позднее — ведь они непосредственно соотносятся с его существенными потребностями — принимаются под его покровительство.

Философский же факультет, наоборот, первоначально является лишь исключительно частным предприятием, подобно тому, как и научный союз вообще является по отношению к государству частным лицом, и лишь благодаря внутренней необходимости и чистому научному духу преподавателей этих университетов он создается как побочный и поэтому-то и оказывается последним среди всех. Во всей этой форме отражена, следовательно, история университетов в ее основных чертах.

Факультеты позитивных наук возникли по отдельности в силу потребности надежно обосновывать необходимую практику обращением к теории, к сведениям традиции. Юридический факультет основывается непосредственно на государствообразующем инстинкте, на потребности производить из анархического состояния (анархического — постольку, поскольку законодательство развивается не всегда равномерно относительно культуры) состояние правовое, при ощущении, что это может происходить лишь в тогда, когда стремятся обрести систему полноценных, согласующихся

между собой законов и более высокие принципы, согласно которым следует истолковывать законы в двусмысленных случаях.

Теологический факультет образовался в рамках церкви для сохранения мудрости отцов с той целью, чтобы отделять истину от заблуждений, как это уже случалось прежде, и не потерять это в будущем; чтобы можно было придать надежное и определенное направление и общий дух дальнейшему формированию церкви и ее учению; и поскольку государство теснее объединяется с церковью, ему приходится санкционировать данное учреждение и брать его под свое покровительство.

Медицинские школы издавна основывались отчасти на потребности познавать и модифицировать состояние тела, отчасти на довольно темных и таинственных исследованиях внутренних отношений всей остальной природы к человеческому телу. Поэтому изначально эти школы, с одной стороны, имели – в преобладающем числе – гимназический, с другой – магический и мистический характер. Благодаря объединению обеих ветвей эти старания постепенно становились более искусными, и по мере того, как они начинали через наблюдения и опыты проникать в различные ветви науки о природе, а следовательно, испытывать и в большую потребность во внешней поддержке, государство было вынуждено вобрать в себя также и их. Так и возникли подобные учреждения.

Следующий факультет, наконец, объединяет в одно тело глубокое, правильное чувство, все дальше и дальше удаляющееся от всего дурного и одержавшее победу над склонностью к одному лишь ремесленническому и эмпирическому: научный дух, и мы можем сказать, главным образом, немецкой нации; все более ясное ощущение внутренней взаимосвязи всякого знания, при этом, естественно, происходит благодаря философскому факультету.

Лишь в нем одном поэтому содержится целая естественная организация науки, чистая трансцендентальная философия и вся естественнонаучная и историческая часть – обе преимущественно с теми дисциплинами, которые более всего приближаются средоточию познания; однако ведь и те, что в большей степени проникают в особенное, примыкают к философскому факультету постольку, поскольку они не используются прагматически – на потребу некоторой определенной цели. Эти три факультета, однако, обнаруживают свое единство не в познании непосредственно, а в некоторой внешней задаче, и связывают то из различных дисциплин, что необходимо для ее выполнения.

Эта одна задача, следовательно, представляет собой то, что научный союз учредил бы для себя в качестве университета; три другие возникают благодаря инородной потребности, причем чисто научное направление оказывается подчиненным внешнему. Тот порядок, который они наблюдают друг в друге, очевидно, доказывает доминирование государства также и в публичных научных учреждениях; говоря точнее, здесь проявляется, отчасти историческое предшествование церкви государству, отчасти же – старая похвальная манера предпосылать душу телу.

Несомненно, весьма скоро – конечно же, как только благодаря этому сможет установиться от этого подлинная польза – словно само собой осуществится преобразование юридического факультета. Одно лишь знакомство с позитивным сводом законов как таковым, который ведь всякий раз неправомерно рассматривается как стабильный и неизменный, и должен и далее преобразовываться научными мужами, показывает чрезвычайно незначительный научный характер. Здесь, следовательно, должны в боль-

шей степени проступить политика и государственная экономика, философское и историческое рассмотрение самого уложения. Но что делать, однако, с другими изменениями, которые тут и там предлагаются и осуществляются? То, что здесь подразумевается, есть произвол и пустые забавы; а то, что благодаря этому действительно происходит, есть, пожалуй, нечто более дурное; и следует опасаться, что не пройдет безнаказанным уничтожение учреждений, которые сами по себе уже суть исторические памятники, и которые — пусть это сразу понимают немногие — выражают дух нации.

Если же университет воплотится как свободное объединение ученых, тогда то, что теперь объединено в факультете философском, как само собой займет его первое место, в то время как институты, которые поддерживают государство и церковь, тем самым сомкнутся и займут свое подчиненное положение. Если же этого не произойдет, лучше пусть обособится философский факультет от всех остальных благодаря тому, что займет последнее место, чем поставит себя меж другими и тем самым с ними смешается, или чего доброго, расколется бы на разные подразделения, тем самым явился бы не как единый, а значит — как нечто меньшее, нежели три остальные, но ведь он есть нечто гораздо большее, нежели они.

Конечно, в этом случае отдельные дисциплины все больше теряли бы их научный характер и приближались бы к прагматическим институтам. И для чистой философии — в этом объединении с реальными науками в одно внешнее целое — столь прекрасное выражение получает свобода либо в большей степени проступить в виде чего-то отдельного самого по себе, либо в большей степени сближаться с реальными науками, нежели выходить за их пределы, — свобода, без которой философия была бы не способна достичь процветания и показать себя в ее истинном существе, и более не могла бы существовать, если был бы установлен внешний знак подобного разграничения.

Если же на философском факультете сохранится положение, где он соединяет все то, что естественным образом и само собой получает форму науки, то пусть он даже и останется последним. Какой смысл здесь устанавливать очередность? Ведь он все-таки останется первым, поскольку каждый должен осознавать его самостоятельность и признавать то, что он в отличие от остальных факультетов не может распасться и разлагаться на неоднородное многообразие, если его рассматривать исходя из некоторого внешнего ему отношения.

Он также и потому является первым и действительно — господином над всеми остальными, поскольку все члены университета, к какому бы факультету они ни принадлежали, должны быть укоренены именно в нем. Это право он распространяет практически повсеместно — на всех начинающих студентов. Они прежде всего остального экзаменуются и принимаются именно этим факультетом, что является весьма похвальными и значимым обычаем. Представляется, однако, что он должен получить еще большую широту, чтобы, наконец, полностью реализовать свое значение. Конечно же, является порочным, когда учащиеся в самом начале передаются какому-нибудь другому факультету. Каждый должен отдавать всего себя прежде всего философии; но каждый именно в первый год своего академического пути не должен быть отдан чему-то другому.

Древний порочный обычай, когда детей чуть ли не с колыбели определяли в некоторое ремесло, не искоренено и до сих пор; ведь для научной жизни лишь гимназия является колыбелью. Какие же представления о своей будущей профессии, о ее отношении к целостной великой области наук и к непосредственно оплодотворяе-

мой ими жизни начинающий учащийся может там приобрести? Всеобщие взгляды, теологические, юридические, которые, как правило, передаются выпускникам, суть лишь славословия, которые обязаны своей порочностью этому преждевременному определению, что есть хищение для университетов, которое едва ли может остаться безнаказанным.

Конечно, нередки случаи, когда некоторое определенное направление таланта раскрывается уже в школе, и по праву можно заявить, что в каждом подобном случае тем настоятельнее сказывалась бы необходимость на некоторое время оставить юношу, если его следует развивать для науки, в ее всеобщем, с тем чтобы его чувство всеобщего не было бы полностью подавлено доминирующей властью его особенного таланта. Скоро ведь подойдет время отправления юноши для учебы в университет. Если они могли бы взять себе один год, чтобы укрепиться в принципах и создать себе общее представление обо всех поистине научных дисциплинах, то время это не было бы потеряно даром; это самое надежное время для развития их убеждений, любви и таланта; безошибочно откроют они для себя подлинную профессию, приобретая при этом то весомое преимущество, что обнаружили ее самостоятельно.

Не в меньшей степени и все остальные университетские преподаватели должны быть укоренены на философском факультете. В особенности в отношении юридического и теологического факультетов никогда нет достаточной уверенности, что обучение там постепенно не будет все больше и больше приближаться к традиции, подобной ремесленнической или же закоснеет в ненаучной поверхностности, если все преподаватели не приобретут собственного имени и значимости одновременно и на поле чистой науки и этим заслужат себе место преподавателя.

Поэтому не только нужно подбирать исключительно таких преподавателей, но и законодательно установить, чтобы каждый преподаватель этих факультетов, пусть и не являлся бы одновременно членом факультета философского, но все-таки как внештатный преподаватель имел бы обязательства перед каким-нибудь его ответвлением и время от времени читал бы лекции из области чистой науки, которая не находилась бы ни в каком непосредственном отношении с его факультетом.

Лишь благодаря этому можно было бы получить и формальную уверенность в сохранении живой связи этих доктрин с подлинной наукой, без которой эти факультеты никак не могли бы принадлежать университету. И действительно, пожалуй, всякий преподаватель права или теологии заслуживает осмеяния и исключения из университета, если не чувствует в себе силы и желания достичь каких-то собственных выдающихся успехов в поле чистой философии или в учении о нравственности, в философском рассмотрении истории или филологии.

Если же, к стати говоря, уже философскому факультету с успехом удается оставаться единым, — пусть ради известных задач он и распадается на подразделения, но не на строго определенной и постоянной основе, а, говоря коротко, так, чтобы не было утеряно это понимание его сущности, — то, конечно же, становится ясно, что и всеобщее стремление университета должно быть направлено на то, чтобы не распасться на чрезмерно определенные отдельные части, т.е. строго удерживать всякого преподавателя в границах его факультета или даже полностью ограничивать некоторым предметом.

Многое, правда, отпадает и само по себе, если каждый преподаватель соответствующего факультета одновременно принадлежит — пусть даже и не в строгой форме — философскому факультету, в котором и самом секции не отделены строго друг

от друга. Но почему надо чинить препятствия преподавателю в том, чтобы вступить ему в область некоторого другого факультета? Ведь границы их простираются друг подле друга и соприкасаются во многих пунктах, так что всегда присутствуют поводы переходить из одной области в другую.

Если ученый это правильно понимает и не довольствуется тем, что заимствует там нужное ему лишь для своего собственного предмета, то, безусловно, надлежит ему и в чужой области порождать и нечто весьма самобытное и многоумное и публично это представлять. Ревность факультетов по отношению друг к другу касательно их областей по праву считается устаревшей и смехотворной. Кому однажды было публично присвоено звание преподавателя наук и чей талант к ней получил признание, тому позволено развивать его в той области, в какой он желает. Время, в течение которого ученый распоряжается этим даром читать лекции, сильно ограничено; сам же этот дар чрезвычайно уязвим и с большим трудом может быть полностью подчинен ученому, так что не от всякого времени обучения и не от всего, что в нем было запланировано, можно получить полное удовлетворение и надлежало это использовать.

Именно поэтому и истинный дух университета, даже и внутри всякого факультета, есть предоставление высшей свободы. Предписывать порядок, в каком лекции должны следовать друг за другом, распределять исходя из отдельных областей целого, суть нелепости; и даже личное соглашение об этом преподавателей между собой было бы нежелательным. Это неизменно способствует стагнации, и напротив — новая жизнь входит во всякую научную ветвь лишь в том случае, если последняя в свою очередь и по-новому получает разработку в рамках других ответвлений и преимущественно в тех, что и сами больше обращаются к другим ветвям.

Поэтому пусть всякий не определяет и не связывает свой талант таким внешним образом, а сам соединяет с чем-то еще. Люди духовные и прилежные, которым важно и дорого их дело, которым заняты они в университете, не нуждаются в этом отношении в каком-то внешнем законе; в них самих содержат они то, что их влечет к совершению всего того, что они только могут совершить, и самим себе должны они быть законом.

Последний, конечно, еще и слишком своеобразен, чтобы получать его от кого-то другого или становиться всеобщим, поскольку он в точности зависит от отношения учителя к своим ученикам. Чем крепче они к нему привязаны, тем больше они ощущают в их научном стремлении его всеобщую поддержку, тем обширнее будет та область, куда они устремятся под его руководством; чем больше же, напротив, паразит их в нем лишь его особенная виртуозность, тем меньше будут они желать, чтобы он вознесся выше их области, но, напротив, будут смотреть на подобное с некоторым тихим злорадством.

Поэтому в большей степени отвечает духу школы, чем истинному духу университета, когда номинальной профессуре придается чересчур большая значимость. Предписывать преподавателю определенный период, когда бы он снова и снова читал одни и те же лекции, означает сделать ему невыносимым его собственное дело и служит причиной тем скорейшего истощения его таланта. Является также естественным, что тот, кто работает для науки где-то помимо кафедры, должен так сорганизоваться, чтобы его труды чрезмерно не препятствовали друг другу, когда и что-то иное должен был бы он читать публике с охотой и интересом, особенно там, где подобные обязанности не могут быть сопряжены друг с другом.

Правда, утверждают, что следует-де проявлять заботу о том, чтобы в тот период, когда обычно следует находиться в университете, должно действительно быть представлено все самое существенное, относящееся ко всякой области. Это, безусловно, верно! Но поскольку наличествует лишь надлежащее множество преподавателей нужного вида, то нет в этой заботе никакой нужды. И так и должно быть: каждому указывают на особенный предмет, который и вменяют ему в обязанность лишь постольку, поскольку в течении некоторого периода не находится никого, кто бы изложил его в надлежащем объеме. И это указание должно столь мало оговариваться в уставах и получать столь свободную форму, чтобы два преподавателя, избегая пространных объяснений, могли бы взаимно менять те обязанности, которые они на себя взяли. Так, каждый сохранит свою свободу, а целое благодаря этому не окажется в пренебрежении, а лишь выиграет от этого.

Итак, чем в большей степени всякий преподаватель таким образом сам будет определять собственный круг обязанностей и по желанию сможет его расширять и сужать, тем в большей степени смирится и гонорарами, которые так часто ругают. Также и это — весьма удивительным образом — оказывается все-таки связанным с духом и сущностью наших университетов, ибо это положение, вопреки всему комизму недавних преобразований, постоянно сохраняется, и, пожалуй, можно утверждать, что самые плохие университеты и самые плохие подразделения всякого университета суть чаще всего те, где обходят вопрос гонорара.

Прежде всего, это относится к тем немногим учреждениям, в которых университет предстает как возникший из абсолютно свободного частного объединения ученых. Поскольку это, однако, есть его самая естественная и прекраснейшая сторона, то, конечно, и обстоятельства оплаты его занятий никогда не нанесет урон уважению учеников к преподавателю, который никогда не станет развенчивать этого обстоятельства даже и в самом плохом настроении, да и самому ему не представляется это унижительным, ведь одновременно с этим уменьшается и ощущение его зависимости от государства.

Поэтому и государство здесь совсем не может вмешиваться в данное положение; поведение по отношению к более бедным должно определяться хорошим тоном преподавателей. Если же оно пожелает предписать, что или как часто каждый из них должен выступать бесплатно: то это напомнит самое худшее устройство малых школ, где более низкое изучается публично, тогда как более редкое и более высокое — на частных уроках. Преподаватели сами гораздо лучше решат, что нужно для того, чтобы время от времени устраивать подобное пиршество для избранного числа.

Сюда же относятся и семинары, которые, как правило, связаны с большинством факультетов, с медицинской, теологической и философской секциями философского факультета, и почти повсеместно выглядят как собственные образования, которые с весьма специфическими намерениями были учреждены и получают покровительство со стороны государства. Руководящие ими преподаватели получают за руководство особое жалование, и даже ученики, которые в них участвуют, чаще всего (лишь в клинических учреждениях медиков это не стало обычным) получают значительные преимущества.

Уже выше было упомянуто о том, что через такие семинары университет сближается с академией, а также и о том, что на этих семинарах следует проводить собственные показательные опыты, штудии, сосредотачивающиеся на отдельном, и исследования учеников. Поэтому наиболее глубокая сфера чистой философии не спо-

собна раскрывать здесь ничего из подобного типа, но для нее роль таких занятий должны собственно выполнять упражнения-диспуты, каковые имеют своей целью правильное утверждение в философских принципах и во всеобщих воззрениях.

Семинары, однако, примыкают к дисциплинам, которые в большей степени обращены к особенному и представляют собой как раз такое сосуществование преподавателей и учащихся, в котором последние уже выступают как производящие, а учителя непосредственно ничего не сообщают, а всего лишь направляют это производство, поддерживают его и выносят суждение. То, что на семинарах следует непосредственно изучать нечто более высокое, чем то, что имеет место в ходе обычных лекций, есть с необходимостью совершенно ложный взгляд. Ведь на всякое непосредственное обучение в университете все имеют одинаковое право. Семинары же по самой своей природе неизменно предназначены для некоторого избранного коллектива. Между ними и лекциями есть еще и собеседования, в ходе которых для преподавателя прежде всего становятся зримыми реакции ученика; он различает то, что в преподавании оказалось менее понятным, и возвращает это обратно учителю для переработки и разъяснения; он выдвигает сомнения и возражения, чтобы дать возможность преподавателю их разрешить.

Это почти сущностная форма, правда, достаточно часто отсутствует, но этот пробел, безусловно, должен показаться довольно ощутимым там, где семинары не являются подобным свободным объединением. Уже это в большей степени обоюдное общение, конечно же, производят лишь именно те, в которых действительно живет научный дух. Естественно, достаточно часто отсюда вытекает возможность задавать ученикам работы и требовать от них исследований, благодаря чему привносится больше света в отдельные области их знания, и рассеивается объявший их туман, или может преодолеваться подавляющая их беспомощность в их духовных деятельности.

Лишь те, кто осознает в себе серьезные, достаточные силы, не утрушаться этого полного напряжения пути, и если, следуя ему, они чувствуют в себе потребность и далее сохранять общность со своим преподавателем, в этом случае организуются семинары. Итак, собственно всякий преподаватель, которому удастся ближе привлечь к себе некоторое множество изучающих его предмет, должен передавать руководство их работами им самим, и каждый из них должен сам образовывать свой семинар. На пути это естественного развития встает государство, если оно для каждого факультета учреждает один семинар, и, оказывая особую благосклонность, передают его какому-нибудь одному преподавателю.

О том, что государство, как правило, назначает его пожизненно, и о том, что даже если оно и впервые учреждает подобную форму, она, ввиду царящего в Германии уважения к возрасту, передается старейшему, кто при прочих равных условиях, как правило, в наименьшей степени способен к такому более близкому личному общению с молодежью, — обо всем этом мы не желаем даже думать; величайшее и очевиднейшее зло состоит в том, что если какой-то один преподаватель получает такого рода благосклонности, его участие в собственных трудах учащихся благодаря этому превращается в монополию, и другие оказываются не в состоянии совершенствовать свои отношения с молодежью и таким образом использовать многое из того, чтобы они могли бы сделать.

Точно так же, когда государство предоставляет определенному числу учащихся привилегию участвовать в семинарах, причем часто сразу же по их прибытию в уни-

верситет, то тем самым не только привязывает оно учеников некоторым нечистым образом исключительно к тому учителю, который должен распределять эти привилегии, но и впадает во всеобщий и всем известный порок раздачи чистых поощрений, — которые лишь изредка оказывают действительное поощрение, — и вознаграждений еще до того, как заслуги имели место.

Не должно быть никаких семинаров такого рода, а государству следует отказаться от всякой поддержки, каковую оно предназначило каждому факультету ради этой цели, и всякий преподаватель, который желает и может объединять вокруг себя некоторый более тесный круг учеников ради собственных, поистине научных трудов, часть из них должен направлять наиболее дельным из них. Лишь если наступает тот печальный случай, когда ни один из преподавателей сам по себе и безо всякого особенного вознаграждения не чувствует никакого призвания к этому, должно выступить все учреждение в целом или государство. Возможно, существующие семинары отчасти возникли именно таким образом, отчасти же на основе такой предпосылки; во всяком случае, такая монополия должна быть отменена в тот самый момент, как только обнаруживается и некоторый конкурент на такую задачу.

Согласно подобным же принципам, а именно тому, что государство ни в коем случае не должно распределять поощрений и благоденствий, но исключительно вознаграждения и почетные звания, следует судить и о всяком распределении стипендий и возвращать их к первоначальной цели, ведь оно лишь через постепенно укореняющуюся мягкотелость превратилось в распределение бенефиций. Студент не должен получать никакой другой стипендии, кроме той, которую он заслужил уже в школе, и она должна продолжаться лишь до того момента, пока в университете не сможет он заслужить новую, и тогда — нежданно-негаданно для него самого — он не превратится из отличного ученика в плохого студента.

Всякая поддержка должна оказываться лишь проверенным студентам, признанным отличникам, причем знаки отличия должны сопутствовать ей, с тем чтобы богатый стремился к ней так же, как и бедный, и лишь материальную выгоду охотно оставял бы другим. Лишь так можно достичь первоначальной цели и избежать унижений и различий, которые нигде не были бы более неуместны, чем в университете.

Все это, правда, предполагает, что преподаватели университета являются таковыми, каковыми они быть и должны. И как можно было положить в основание существенных учреждений какую-то иную предпосылку помимо этой? Возможно, могли бы получить развитие и иные вещи, пусть и такие, что потребовали для своего осуществления внешнего принуждения; но только не этот труд, осуществить который способны лишь желание и любовь, а то, что без них могут совершить даже и отличнейшие внешние указы и статуты, неизменно есть одна пустая видимость. Тот, кто ставит себе задачей учреждение университета, так чтобы он начал свой ход и предлагал услуги, хотя преподаватели его едва дотягивают до среднего уровня, и работают не с полной отдачей, — тот предпринимает безрассудное дело. Ведь то, что должно стать духом и его укрепить, то должно и проистекать из силы этого духа.

Пер. А.Ю. Антоновского

Поступила в редакцию 15.09.2017 г.